

ОБ ИДЕОЛОГИИ «НЕСТЯЖАТЕЛЕЙ»

Г. Н. МОИСЕЕВА

В исторической науке и литературоведении прочно утвердилась характеристика так называемых «нестяжателей» (или заволжских старцев), как идеологов борьбы с церковным и монастырским землевладением конца XV — первой половины XVI в.¹ Исследователи полагают, что «нестяжательство» по своей классовой сущности было связано с боярством и выражало идеологию крупной феодальной знати². Указывая на земли монастырей как на объект для конфискации, князья и бояре отодвигали угрозу от своих собственных вотчин³. Однако еще Е. Е. Голубинский писал, что если бы Иван III добился на соборе 1503 г. отказа монастырей от своих земельных владений, «то едва ли бы все досталось государству и государю: боярские роды, прилагавшие монастырям вотчины, конечно, изъявили бы притязание на то, чтобы... получить свои вотчины обратно в свою собственность»⁴.

Советские исследователи установили, что земельные владения монастырей разрастались не только путем захвата крестьянских земель, но и за счет поглощения ими боярских вотчин⁵. Естественно возникает вопрос: могли ли действительно крупные феодалы добиваться того, чтобы их родовые земли, отданные ими в монастыри, были конфискованы государством?

Остановимся прежде всего на том, какие данные послужили, исследователям основанием для заключения о характере позиции «нестяжателей» в борьбе, развернувшейся в конце XV — первой половине XVI в. по вопросу о секуляризации церковных и монастырских земель.

Первая характеристика отношения «нестяжателей» к земельной собственности монастырей принадлежит Амвросию. Рассказывая о ссоре новгородского архиепископа Серапиона с Иосифом Волоцким, Амвросий пишет о том, что «с тех самых пор начались и роптания на монастырское вотчинное право, и на монашествующих восстали разные укоризны и нарекания не только от мирских, но и от духовных»⁶. В числе «духовных», выступавших с критикой монастырского землевладения, Амвросий

¹ «Очерки истории СССР. Период феодализма, конец XV в.— начало XVI в.», М., 1955, стр. 175 (далее — «Очерки»); «История русской литературы», т. II, ч. 1, М.—Л., изд. АН СССР, 1946, стр. 322—325 (далее — «История»).

² «Очерки», стр. 109, 174—177.

³ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века, кн. 2, М., 1954, стр. 70.

⁴ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. II, М., 1900, стр. 630.

⁵ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, стр. 53—59; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, М.—Л., 1947; А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края. XV—XVI вв., М.—Л., 1951, стр. 251—253.

⁶ «История российской иерархии, собранная... архимандритом Амвросием», М., 1810, стр. XXVI.

называет Максима Грека и Вассиана Патрикеева. Последний, по его мнению, «гораздо уже открытее и жестче писал противу вотчин монастырских, укоряя монашествующих в неге, роскоши и лени»⁷. Амвросий не указал, какое именно из сочинений Вассиана Патрикеева он имел в виду в данном случае. Однако мы можем с серьезным основанием полагать, что Амвросий (так же как и Н. М. Карамзин) не знал подлинных сочинений Вассиана Патрикеева, а приписывал ему совершенно иной памятник, так называемую «Беседу Валаамских чудотворцев Сергия и Германа» («Валаамская беседа»).

Н. М. Карамзин в примечаниях к «Истории государства Российского» говорит о том, что «Инок Вассиан сочинил послание, в котором он, укоряя монахов в неге, доказывает необходимость отнять у них вотчины»⁸. Из сохранившихся сочинений Вассиана Патрикеева, ни одно не называется «послание», ни в одном он не «доказывает необходимости отнять» вотчины. В последнем сочинении, написанном в форме диалога, — «Собрании на Иосифа Волоцкого», Патрикеев говорит о том, что он учил великого князя «селя отымати», но ничем не аргументирует здесь свою мысль.

Важно отметить совпадение в характеристике сочинения Вассиана Патрикеева у Амвросия и у Н. М. Карамзина: оба говорят о том, что Вассиан упрекал монахов в «неге» и выступал против монастырских «вотчин». Следует сказать, что в подлинных сочинениях, принадлежащих Вассиану Патрикееву, ни разу не употреблено слово «вотчина». Земельные владения монастырей Вассиан Патрикеев всегда называет «села» или «стяжания»⁹. Упрекал монахов в «неге» и настаивал на секуляризации монастырских «вотчин» неизвестный автор «Валаамской беседы»¹⁰. Он доказывал царю (почему, вероятно, Н. М. Карамзин и считал это произведение посланием) государственную нецелесообразность монастырского владения землей¹¹. На основании этой заметки Н. М. Карамзина О. М. Бодянский, опубликовавший в 1859 г. «Валаамскую беседу», считал ее принадлежащей Вассиану Патрикееву¹².

Постановку вопроса о церковных и монастырских землях на соборе 1503 г. Н. С. Карамзин не связывает с «нестяжателями». Ее инициатором он считает великого князя Ивана III¹³. Ни о выступлении на соборе Нила Сорского, ни о позиции «святогорцев» в этом вопросе Амвросий и Н. М. Карамзин не говорят. Объясняется это тем, что ни Амвросий, ни Н. М. Карамзин не знали двух памятников: так называемого «Письма о нелюбках» и «Жития Иосифа Волоцкого, написанного неизвестным». Оба эти произведения, созданные последователями Иосифа Волоцкого не ранее 40—50-годов XVI в.¹⁴ в обстановке союза великокняжеской власти

⁷ «История российской иерархии, собранная... архимандритом Амвросием», стр. XXVI—XXVII.

⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VII, СПб., 1892, стр. 38, прим. 277.

⁹ «Полемические сочинения инока-князя Вассиана Патрикеева». «Православный собеседник», кн. III, Казань, 1863, стр. 189, 206, 207, 192 (далее — ПС, III). В настоящее время из печати вышло исследование Н. А. Казаковой, в котором опубликованы все сочинения Вассиана Патрикеева (Н. А. Казакова. Сочинения Вассиана Патрикеева. М.—Л., 1960).

¹⁰ Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века, М.—Л., 1958, стр. 169.

¹¹ «А вотчин и волостей со христианы отнюдь иноком не подобает давати». Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века, стр. 162; см. также стр. 163, 168.

¹² «Рассуждение инока-князя Вассиана о неприличии монастырям владеть отчинами». ЧОИДР, кн. 3, отд. III, М., 1959, стр. V, VIII, 1—16.

¹³ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI, СПб., 1892, стр. 227—228.

¹⁴ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 170—171; Я. С. Лурье. К вопросу об идеологии Нила Сорского. ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 195; Г. Н. Моисеева. О датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева. ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 349—361.

с иосифлянским большинством духовенства, имеют цель скрыть разногласия, существовавшие в конце XV — начале XVI в. между великим князем Иваном III и волоцким игуменом по вопросу о церковной и монастырской собственности на землю¹⁵. Поэтому-то в «Письме о нелюбках» инициатива постановки вопроса о монастырских землях на соборе 1503 г. приписана не Ивану III, а «старцу» Нилу Сорскому, «ответ» которому дал Иосиф Волоцкий. В «Житии» Иосифа Волоцкого хотя и указано, что собор был собран великим князем, но подчеркнута, что князь был «понужаем» на этот поступок «нестяжателями», и скрыто, что «ответ» Ивану III, в котором отстаивалась непоколебимость церковной и монастырской собственности на землю, был составлен Иосифом. Публицистический характер этих памятников, обусловленный политической борьбой времени их создания, вызывает необходимость использования содержащихся там данных с известной осторожностью¹⁶, в сопоставлении их с рядом других источников. Оба эти произведения, опубликованные во второй половине XIX в.¹⁷, были восприняты буржуазной историографией под непосредственным влиянием «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и в свою очередь послужили материалом для последующего развития гипотезы о «нестяжателях» — идеологах борьбы с монастырским землевладением в конце XV—XVI вв. «Письмо о нелюбках» (без ссылки на источник) использовано С. М. Соловьевым для характеристики собора 1503 г.¹⁸. По «Письму» пересказана и речь Иосифа Волоцкого¹⁹. Ученик С. М. Соловьева В. О. Ключевский полагал, что вопрос о монастырских землях был поставлен на соборе 1503 г. великим князем Иваном III, но на этот поступок он был побужден «нестяжателями», добивавшимися секуляризации монастырских вотчин «по религиозно-нравственным побуждениям»²⁰.

В дальнейшем гипотеза о «заволжских старцах» — борцах с монастырским землевладением в конце XV—XVI вв. — прочно утвердилась в исторической науке второй половины XIX — начала XX в. А. А. Зимин и Я. С. Лурье отмечено, что вопрос об идеологии «нестяжателей» и иосифлян рассматривался в тесной связи с общим направлением развития буржуазно-дворянской историографии²¹. Воззрение Иосифа Волоцкого и его последователей противопоставлялись «нестяжателям», причем за первыми признавалось «консервативное» направление, за вторыми — «нравственно-либеральное».

В 1863 г. А. С. Павловым были опубликованы произведения Вассиана Патрикеева, в которых имеется целый ряд ценных известий о событиях, связанных с историей собора 1503 г. Так, например, Вассиан вопреки автору «Письма о нелюбках» пишет о том, что собор был собран не «заволжскими старцами», а самим великим князем Иваном III, который хотел отобрать земли и у церкви и у монастырей²². Тщательно подчерки-

¹⁵ Г. Н. Моисеева. О датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева, стр. 349—361.

¹⁶ Вопрос о критическом отношении к данным, содержащимся в «Письме о нелюбках», впервые был поставлен Н. И. Никольским, установившим, что Паисий Ярослав, о котором сообщается в «Письме» как об участнике собора 1503 г. в действительности скончался в 1501 г. (см. Н. И. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, СПб., 1807, стр. X—XI). На необходимость критического отношения к известиям этого памятника указывают А. А. Зимин и Я. С. Лурье (см. указ. соч.).

¹⁷ «Письмо о нелюбках». «Прибавления к изданию творений святых отцов», ч. 10, М., 1851, стр. 505—508 (далее — ПТСО); «Житие Иосифа Волоцкого, написанное неизвестным». «Чтения Общества любителей древней письменности», 1865, кн. 2, стр. 115—117, (далее — ЧОЛДП).

¹⁸ С. М. Соловьевым точно пересказан текст «Письма». С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, СПб., кн. 1, т. V, стлб. 1559.

¹⁹ С. М. Соловьев. Указ. соч., стлб. 1559; ПТСО, ч. 10, стр. 505.

²⁰ В. О. Ключевский. Курс русской истории, М., 1937, стр. 303—304.

²¹ А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 159—164; Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 182—187.

²² ПС, III, стр. 206.

вая свою близость с Нилом Сорским²³, Вассиан Патрикеев, критикующий монастыри — «стяжатели» сел, ни разу не говорит о выступлении по этому вопросу своего учителя Нила Сорского. Несмотря на то, что в произведениях Вассиана Патрикеева имеется ряд материалов, дающих возможность полнее представить обстоятельства созыва собора 1503 г. и споров о церковной и монастырской собственности на землю в конце XV — первой половине XVI в., исследователи XIX — начала XX в. скупо использовали эти данные, по-прежнему характеризуя события, связанные с этим периодом, по «Письму о нелюбках» и отчасти по «Житию Иосифа Волоцкого, написанному неизвестным».

Такое одностороннее освещение основных проблем идеологической борьбы конца XV — первой половины XVI в. нашло выражение в исследованиях И. Хрущова, А. С. Павлова, В. И. Жмакина, А. С. Архангельского, В. С. Иконникова, В. Малинина²⁴. Все эти исследователи определяющей чертой «нестяжателей» считали «духовность», «принцип критики», распространяемый как на «божественные писания», так и на «стяжательство монастырей». Взгляд на «нестяжателей» как на антиподов «консерваторов» — иосифлян, стал общепризнанным в дореволюционной историко-филологической науке²⁵.

Поворот в оценке политической роли нестяжательства можно отметить со времени выхода работы Г. В. Плеханова «История русской общественной мысли». Отчетливо представляя, что острая необходимость в землях, предназначенных для помещения дворян, заставила Ивана III поставить вопрос о конфискации земельной собственности церкви и монастырей на соборе 1503 г.²⁶, Г. В. Плеханов выдвинул гипотезу о поддержке «заволжских старцев» с их проповедью «религиозного аскетизма» родовитым боярством. Цель крупной феодальной знати заключалась, как полагал Г. В. Плеханов, в том, чтобы добиться конфискации обширных монастырских имений, которые пошли бы на увеличение земельного фонда государства, и тем самым отдалить «опасность превращения светских вотчин в поместья»²⁷. Ставя вопрос об экономической стороне «аскетических проповедей» «заволжских старцев», Г. В. Плеханов снимал этим с «нестяжательства» весь тот налет абстрактных характеристик, которыми его в изобилии снабдила либерально-славянофильская историография. В то же время в гипотезе Г. В. Плеханова можно отметить противоречие между им же выраженным мнением о непосредственной заинтересованности дворянства в секуляризации и предположением, что борьба с монастырским землевладением могла вестись и резко враждебной дворянству крупной феодальной знатью, тогда как политические и экономические интересы этих группировок, как отметил и сам Г. В. Плеханов, были в тот период глубоко различны²⁸.

В советской исторической науке социально-политическая характеристика «нестяжательства» принадлежит Б. Д. Грекову. Справедливо полагая, что «нестяжательство», как идеологическое течение, связано с крупной феодальной знатью, Б. Д. Греков писал о том, что «не лишена вероятности догадка, что эти противники церковного землевладения отводили таким

²³ «О еже како Нил и ученик его Вассиан...»; «сие, Иосифе, на мя и на старца моего лжши» (ПС, III, стр. 204, 208, 209).

²⁴ И. Хрущов. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, СПб., 1868, стр. 174; А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, Одесса, 1871, стр. 39; В. И. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения, М., 1881, стр. 77; А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, СПб., 1882, стр. 40—41; В. С. Иконников. Максим Грек и его время, Киев, 1915, стр. 390—391; В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания, Киев, 1901, стр. 630—631.

²⁵ Я. С. Лурье отмечено, что точка зрения принята и в современной западной историографии. Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 185.

²⁶ Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли, т. I, М., 1914, стр. 173.

²⁷ Там же, стр. 174.

²⁸ Там же, стр. 133—150.

способом надвигающуюся опасность от боярских земель»²⁹. Как видно из этой формулировки Б. Д. Греков не считал такую гипотезу полностью обоснованной, а предлагал ее как одно из возможных объяснений приверженности боярства к «нестяжательству».

Итак, проследживая историю возникновения гипотезы о «нестяжателях», возглавивших в конце XV — половине XVI в. борьбу с монастырским землевладением, мы установили, что Амвросий и Н. М. Карамзин, первыми связавшие эту борьбу с Вассианом Патрикеевым, не знали его подлинных сочинений. Они считали принадлежащей ему «Валаамскую беседу», в действительности же она была написана значительно позднее и исходила из дворянских кругов³⁰. С опубликованием «Письма о нелюбках» — публицистического памятника 40—50-х годов XVI в., тенденциозно освещающего события начала этого века и некритически воспринятого исследователями XIX в., — характеристика «нестяжателей» как идеологов борьбы с монастырским землевладением стала общепринятой.

В советской исторической науке наметился перелом как в отношении исторических данных «Письма о нелюбках»³¹, так и в оценке политической роли «нестяжателей». Однако борьбу с церковным и монастырским землевладением продолжают связывать с «нестяжателями» — выразителями идеологии боярства, заинтересованного в секуляризации монастырской «недвижимой» собственности.

Является ли эта гипотеза полностью оправданной? Нельзя ли иначе подойти к рассмотрению вопросов, связанных со спорами о монастырских и церковных землях в конце XV—XVI вв.?

Для того, чтобы поставить эти вопросы, выясним во-первых, какова была в этот период политика великокняжеской власти по отношению к церковным и монастырским землям и как складывались отношения вотчинников-феодалов с монастырями. Проследим, во-вторых, кому в конце XV—XVI вв. шли конфискованные государством земли и кто, следовательно, был экономически заинтересован в секуляризации монастырских и церковных земель.

На последний из поставленных нами вопросов ответ дают сами документы. В течение XVI в. великокняжеская власть, изыскивая земли, необходимые для обеспечения служилых помещиков, неоднократно ставила вопрос о конфискации владений феодальной знати и церкви, которым в изучаемый период принадлежало две трети удобной для сельского хозяйства земли³². На протяжении 1478—1500 гг. великий князь Иван III дважды отобрал часть земель новгородских бояр и в те же годы в Новгороде прибегнул к конфискации церковных и монастырских земель³³. Очень выразительна форма описания этого события в летописи: «великий князь поимал... в Новгороде в Великом церковные земли за себя, владычни и монастырские, и роздал детям боярским в поместье»³⁴.

В 1503 г. Иван III поставил вопрос о церковных и монастырских землях на церковном соборе. Цель великого князя, по словам хорошо осведомленного Вассиана Патрикеева³⁵, заключалась в том, чтобы отобрать земли и у церкви и у монастырей³⁶. Иван III, как известно, не добился на

²⁹ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, стр. 70.

³⁰ См. Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в., стр. 51—88.

³¹ А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 170—171; Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 195.

³² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, кн. 2, стр. 64.

³³ ПСРЛ, т. XII, СПб., 1907, стр. 183, 215, 220, 249.

³⁴ Там же, стр. 249.

³⁵ В то время, когда Вассиан Патрикеев писал сочинение, сохранившее нам это известие («Собрание на Иосифа»), он был близок ко двору великого князя Василия III, был «великим временным человеком».

³⁶ ПС, III, стр. 206. Известие Вассиана Патрикеева подтверждается «Соборным приговором». Из ответа духовных иерархов Ивану III видна та формулировка, в которой был поставлен вопрос: «Собор был о землях церковных, святительских, монастырских». ГБЛ, собр. Волоколамское, № 514, л. 426.

соборе 1503 г. секуляризации церковных земель, но какие-то меры, ограничивающие рост монастырского землевладения, им были приняты. По пути ограничения прав монастырей на принятие вкладов пошло правительство Василия III и Елены Глинской³⁷.

Стремление великокняжеской власти воспользоваться церковными и монастырскими землями вызывало ожесточенное сопротивление духовенства. В те годы, когда были произведены конфискации монастырских и церковных земель в Новгороде, новгородский архиепископ Геннадий включил в церковную службу специальную анафему «на обидящих святые церкви»³⁸. Тогда же из окружения архиепископа вышел специальный трактат, озаглавленный: «Слово кратко против тех, иже в вещи священные, подвижные и неподвижные соборные церкви вступаются, и отнимати противу спасения души своея дерзают, заповеди божии и церковные презирающие, и православных царей и великих князей истинное, клятвою законоположение раздающе, и заповеди божия приобидяща»³⁹.

Наиболее полно идеологическая платформа воинствующих церковников конца XV—начала XVI в. была сформулирована в сочинениях игумена Волоколамского монастыря Иосифа. В многочисленных посланиях к духовным и светским лицам и в отдельных трактатах⁴⁰ Иосиф Волоцкий выставляет систему доказательств в пользу исконного владения церкви и монастырей землями. В сочинении, озаглавленном «Яко не подобает святым божиим церквам и монастырем обиды творити и насилие, и восхищати имена и стяжания их...», Иосиф Волоцкий вступает в полемику с теми, кто покушается на церковное и монастырское имущество, называя этих сторонников секуляризации «многими»⁴¹. Указывая на пример византийского императора Юстиниана, предавшего проклятию «иже обидеши церкви или монастыри», Иосиф Волоцкий призывает церковников не останавливаться ни перед какими мерами в борьбе за сохранение церковных и монастырских богатств: «повелевает наша власть тех огнем съжещи, дом же их святым божиим церквам вдати». Волоцкий игумен ополчается на главу государства, потворствующего секуляризационным намерениям «нецих», и предает его проклятию: «Аще ли и самии венец носящий тоя же вины последовати начнут... да будут прокляти и в сий век и в будущий»⁴².

Это многозначительное выступление Иосифа Волоцкого против главы государства позволяет думать, что он намекал не на абстрактного «венца носящего» правителя, а на совершенно конкретное лицо, дважды посягнувшее на собственность церкви и монастырей — великого князя Ивана III, конфисковавшего новгородские церковные и монастырские земли в 1478 и 1500 г.

В начале 50-х годов XVI в., перед казанскими походами, в связи с острой нуждой в землях для помещения служилых людей, вопрос о конфискации части подмосковных земель митрополичьей кафедры был поднят Иваном IV⁴³. «Ответ» митрополита Макария, провозгласивший неизбежность церковной недвижимой собственности, заканчивался много-

³⁷ С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 90, 91.

³⁸ А. С. Павлов. Указ соч., стр. 50—51.

³⁹ Присоединяемся к выводам А. Д. Седельникова, определяющего время составления «Слова кратко» между 1497—1499 гг. А. Д. Седельников. К изучению «Слова кратко» и деятельности доминиканца Вениамина, «Известия Отделения русского языка и словесности», т. XXX, 1926, стр. 215—217 (далее — ИОРЯС).

⁴⁰ «Послания Иосифа Волоцкого», подг. текст А. А. Зимин и Я. С. Лурье, М.—Л., 1959; В. М. Алинин. Указ. соч., стр. 128—141.

⁴¹ В. М. Алинин. Указ. соч., стр. 128.

⁴² Там же, стр. 129.

⁴³ Н. Субботин. К материалам для истории Стоглава и его времени. «Летописи русской литературы и древности», изд. Н. Тихонравовым, т. V, отд. III, М., 1863, стр. 126—129.

значительной угрозой не только «мирян простым», посягающим на земельную собственность церкви и монастырей, но и «самим царем». Макарий призывал духовные власти не подчиняться светской власти в случае такого посягательства: «аще и смертью претят, то никак-ж ни послушати их»⁴⁴.

В 1551 г. вопрос о церковных и монастырских землях был вновь поставлен на церковном соборе, впоследствии получившем название Стоглавого. В Майском приговоре, которым заканчивался Стоглав, было принято решение провести перепись всех земель, и в первую очередь церковных и монастырских⁴⁵. Все земельные сделки монастырей были поставлены под контроль государства. Вотчинникам «Твери, Микулина, Торжка, Оболенска, Рязани» запрещались продажа и отдача вотчин в монастыри «по душам». За нарушение этого «уложения» Майский приговор указал лишать вотчинников их земель⁴⁶. Указ этот распространялся и на предыдущее время, и вотчины ярославских, суздальских и стародубских княжат, отданные в монастыри «по души без государева ведома», было предложено «имати на государя... да те вотчины отдавати в поместья»⁴⁷.

В грамоте собора 1573 г. был уточнен Майский приговор и сказано о том, что земли вотчинников, отданные в монастыри, «в поместной избе не записывать за монастырем, а отдать роду и племени служилым людем»⁴⁸. Приговорная грамота 1580 г. начинается с указания на то, что конечной целью собора, утвердившего эту грамоту, было стремление урегулировать отношения между церковью и дворянством⁴⁹. Полное запрещение вотчинникам сдавать свои земли в монастыри и отмена податных привилегий духовенства, объясняемая тем, что «крестьяне вышед из (из-за — Г. М.) служилых людей, живут за тарханы во льготе, и от того великая тощета воинским людям прииде», сделали приговоры соборов 1580—1584 гг. «поворотным моментом... в истории монастырского землевладения»⁵⁰. Начиная с новгородских конфискаций 1478—1580 гг. и до приговоров соборов 1580—1584 гг. мы видим одну силу, которая в тесном союзе с великокняжеской властью добивалась увеличения фонда земель, необходимых для раздачи служилым людям, — «детей боярских», нуждающихся «в поместьях».

«Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?»... в политике не так важно, *кто* отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, *кому выгодны* эти взгляды, эти предложения, эти меры»⁵¹. Секуляризация церковной и монастырской земельной собственности была выгодна прежде всего дворянству. Закономерно поэтому, что на протяжении почти всего XVI в. дворянство, в суровой борьбе с феодальной знатью добывающее всей полноты политической власти, было основной движущей силой всех мероприятий государственной власти, направленных против церковного и монастырского землевладения. Закономерно поэтому, что выступление идеологов воинствующей церкви конца XV — начала XVI в. («Слово кратко» и трактат «О недвижных вещах, вданных богами в наследие благо вечных») были направлены против «мирян», «мирских властей», посягающих на церковную собственность.

⁴⁴ Там же, стр. 136. В настоящее время известна старшая редакция «Ответа» митрополита Макария Ивану IV. В этой редакции более широко использован трактат Иосифа Волоцкого. Текст старшей редакции «Ответа» опубликован в ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 466—472.

⁴⁵ «Стоглав», изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 431.

⁴⁶ Там же, стр. 433.

⁴⁷ «Стоглав», стр. 434.

⁴⁸ АИ, т. I, СПб., 1841, стр. 246 (№ 154).

⁴⁹ «Продолжение древней российской вивлиофики», ч. VII, стр. 132 (далее — ПДРВ).

⁵⁰ С. Б. Веселовский. Указ. соч., т. I, стр. 104.

⁵¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 33.

Нам уже приходилось говорить о том, что ограничение роста монастырских владений было начато с запрещения принимать вклады. Несомненно, что переход вотчинных земель во владение монастыря наносил вред государственной практике «службы с земли», так как наследственные владения феодальной знати служили источником военных обязанностей князей и бояр⁵². Но была и еще одна сторона взаимоотношений монастырей с феодальной знатью, заставлявшая великокняжескую власть запрещать не только в кл а д ы, но и в ы к у п из монастырей вотчинных земельных владений. Дело в том, что в годы, наполненные тревожными событиями — войной, страхом опал и казней, землевладельцы охотно отдавали свои имения в монастыри с тем, чтобы не подвергать их всевозможным превратностям, связанным с быстро изменяющейся политической обстановкой⁵³. «Жалуя» землю в монастырь «на помин души», «на память родителей своих», «на постриг», займы и «под выкуп» и т. д., вотчинники не только «строили душу» но и сохраняли за собою, а после своей смерти за своей семьей, право пожизненного владения своим имуществом, прикрываемое иммунитетом церкви. Способом скрыть свои земли служило «дарение», обусловливаемое принятием вкладчика в монастырские слуги, записью в «вечное поминовение», получением от монастыря сдачи, которая шла на уплату долгов и на надел в приданое сестрам и дочерям⁵⁴.

О том, что такие операции были не случайным, а закономерным явлением, свидетельствуют мероприятия великокняжеской власти, направленные на борьбу с ними. Рассматривая эти мероприятия, мы увидим, что они имели целью не только борьбу с монастырским землевладением, но одновременно затрагивали и экономические интересы вотчинников.

Известно, что при Василии III был издан указ, требовавший от вотчинников вновь присоединенных областей — Твери, Микулина, Торжка, Оболенска, Белоозера и Рязани — «вотчин не продавати и по душам в монастыри без доклада не давати»⁵⁵. Правительством Елены Глинской были разосланы по монастырям грамоты (представление о которых мы можем иметь по сохранившейся грамоте 1535 г. Глушицкому Вологодскому монастырю), в которых предлагалось: «А впредь бы есте без нашего ведома однолично вотчин не купали и в заклад и в закуп по душе не имели ни у кого»⁵⁶.

Наиболее полно отражает политику великокняжеской власти один из пунктов Майского приговора 1551 г., о котором шла речь выше. В Майском приговоре указывалось: «а которые люди наперед сего и по ся места вотчины свои давали в монастыри по своим душам и родителей своих по душам в вечный поминоук, или которые впредь учнут потому же давати в вечный же поминоук, и тех вотчин у монастырей никому никак не выкупати»⁵⁷. В 1552 г. был издан указ о вотчинах и куплях. В 1557 г. подтвержден и точно определен порядок выкупа князьями у монастырей родовых вотчин. В 1562 г. подтвержден и дополнен указ, запрещавший князьям недавно присоединенных к Москве городов отчуждать свои вотчины в монастыри. В 1573 г. церковный собор постановил в монастыри «вотчин

⁵² С. В. Рождественский. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в., СПб., 1897, стр. 44—147.

⁵³ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI в., стр. 87; С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси XVI в. «Исторические записки», т. 10, стр. 106—117.

⁵⁴ В. С. Иконников. Указ. соч., стр. 369—370; С. Рождественский. Из истории секуляризации монастырских вотчин на Руси в XVI в. ЖМНП, 1895, май, стр. 70—72; С. Б. Веселовский. Монастырское землевладение в Московской Руси XVI в., стр. 102—103; Его же. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, т. I, стр. 165—201.

⁵⁵ ААЭ, т. I, СПб., 1836, стр. 219 (№ 227).

⁵⁶ Цит. по статье С. Авалиани (Беседа преподобных Сергия и Германа как исторический источник) («Богословский вестник», Сергиев Посад, 1909, март, т. I, стр. 381).

⁵⁷ «Стоглав», стр. 430.

не давати, а которая будет вотчина и написана, ино ее в поместной избе не записывати, а отдавати ее роду и племени служилым людем, чтоб в службе убытка не было, и земля бы из службы не выходила. А монастырских вотчин вотчикам впредь не выкупати»⁵⁸. Собор 1580 г. постановил «вотчинником вотчин своих по душах не давати..., а митрополиту и владыкам, и монастырем земель не покупати, и закладней не держати». Князьям и боярам «вотчины ни которым судом, ни тяжкою у митрополита и у владык и у монастыря не отъемлют и не выкупают»⁵⁹.

Политика государственной власти в отношении монастырского землевладения с конца XV до 80-х годов XVI в. имеет, таким образом, двустороннюю направленность: против монастырей-землевладельцев и против вотчинников, «жалующих» земли в монастыри. Двоякая цель определила, как показано выше, и самый характер этих указов (запрещение брать вклады, закладни и выкупать их). Можно поэтому полагать, что владельцы наследственных вотчин — князья и бояре — были заинтересованы в сохранении монастырского землевладения, являвшегося для них средством не только устройства небесной жизни (как это формально считалось), но и земных интересов, и что ликвидация всей системы церковного и монастырского землевладения не отвечала интересам крупной феодальной знати. И только дворянство, владевшее землей на поместных началах, было заинтересовано в последовательной борьбе за секуляризацию церковных и монастырских имуществ.

Обратимся к выяснению позиции «нестяжателей» в вопросе о монастырских землях. Быть может, они были выразителями передовой для XVI в. идеологии дворянства и отражали борьбу служилых людей за секуляризацию земель церкви и монастырей.

Так как исследователями установлено, что в числе хорошо сохранившегося рукописного наследия Нила Сорского нет ни одного сочинения, в котором он бы высказывал свое отношение к монастырскому землевладению⁶⁰, а известие «Письма о нелюбках», не подтверждаемое никакими другими источниками, не может быть признано достоверным⁶¹, то под «нестяжателями» мы будем понимать Вассиана Патрикеева и его последователей.

По вопросу о монастырских землях Вассиан Патрикеев имел совершенно определенную точку зрения, высказанную им в различных произведениях.

Нам уже приходилось подчеркивать то обстоятельство, что требования Вассиана Патрикеева коренным образом отличаются от программы секуляризации, предложенной на соборе 1503 г. правительством Ивана III. Если Иван III, по словам Вассиана, имел намерение «отымати села у святых церквей и монастырей»⁶², что подтверждается и Соборным ответом, где прямо сказано, что «Собор был о землях церковных святительских, монастырских»⁶³, то Вассиан Патрикеев подчеркивает, что он размышляет только о судьбе монастырских вотчин⁶⁴.

⁵⁸ АИ, т. I, стр. 246, 270.

⁵⁹ ПДРВ, VII, стр. 139—141.

⁶⁰ М. С. Боровкова-Майкова. Нила Сорского Предание и Устав, СПб., 1912, стр. 5—6; Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 123—126; Его же. К вопросу об идеологии Нила Сорского, стр. 195.

⁶¹ Г. Н. Моисеева. О датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева, стр. 349—361.

⁶² ПС, III, стр. 206.

⁶³ ГБЛ, собр. Волоколамское, № 514, л. 426.

⁶⁴ Н. А. Казакова, сопоставившая текст последнего полемического сочинения Вассиана Патрикеева («Собрание на Иосифа»), изданный А. С. Павловым по трем Соловецким спискам, с Синодальным списком, пришла к выводу о том, что в Соловецких списках имеется сознательное искажение высказываний Вассиана и что первоначальным было чтение Синодального списка, где Вассиан предлагал отобрать земли и у церкви и у монастырей (Н. А. Казакова. Вассиан Патрикеев о секуляризации церковных земель (Текстологические данные). ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, стр. 153—158). Если

Подвергая резкой критике монастырское землевладение, он не выступает, однако, против вкладов по душе, являющихся основным источником земельных богатств монастырей. Вассиан осуждает монастыри лишь за то, что они считают эти земли своими вотчинами⁶⁵. Главное для него то, чтобы монастыри не считали земли, дарованные им «благочестивыми» князьями, «своими». В «Собрании некоего старца» и в «Собрании на Иосифа» Вассиан Патрикеев подробнее раскрывает свои взгляды на монастырское землевладение. Он предлагает «иноком жити по Еуангелию, и по Апостолу, и по Великому Василию — сел не дрѣжати, ни владети ими, но жити в тишине и в безмолвии, питаясь своими руками»⁶⁶.

Итак, Вассиан считает, что монастыри не должны «держатъ земли» и не должны «владеть землями». Значит ли это, что они не должны иметь земли? Вассиан Патрикеев тонко разбирался в юридической терминологии своего времени. В конце XV в. вместе со своим отцом Иваном Юрьевичем Патрикеевым он выступал представителем великокняжеской власти в многочисленных судебных процессах между монастырями и землевладельцами⁶⁷. Какой же смысл он вкладывал в слова «владеть землею» и «держатъ землю»?

Эти словосочетания имели в XVI—XVII вв. определенное значение — владеть землею на правах вотчинного наследства⁶⁸.

Отдавая земли в монастыри «по своих душах», «на память родителей своих» и т. д., вкладчики каждый раз оговаривали свое право и право своего рода на владение или на выкуп земель⁶⁹, или же навсегда отказывались от них, упоминая, что отдают ее «впрок без выкупу и без отмены»⁷⁰.

Естественно, что монахи в свою очередь направляли большие усилия на то, чтобы все земли, отданные в монастыри (в том числе и на условном держании), навсегда оставались за монастырями. Поэтому-то Вассиан Патрикеев, не возражая против вкладов «благочестивых князей» «о спасении душ своих и памяти родителей их», ополчается на монахов, которые «владуют землею», отданной им вотчинниками, т. е. относятся к ней как к своей собственности.

О том, что Вассиан Патрикеев в своих сочинениях говорил об отношении монахов к дарованным им землям, свидетельствует и выступление его на суде в 1531 г. На вопрос обвинителя — митрополита Даниила, указавшего, что в своих «правилах» («Кормчей») Вассиан пишет, что древние святые не владели землями⁷¹, тогда как Да-

согласиться с выводами Н. А. Казаковой, то и тогда остаются в силе высказывания Вассиана о различии его отношений к церковной и монастырской земельной собственности, отраженные в других его сочинениях («Собрании некоего старца» и «Слове ответном»).

⁶⁵ Н. А. Казакова. Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева. ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 460—461.

⁶⁶ Н. А. Казакова. Неизданное произведение Вассиана Патрикеева. ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 415; См. также ПС, III, стр. 207.

⁶⁷ Л. В. Черепнин. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков, М., 1951, стр. 118, 120; «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. I, М., 1952, стр. 460—463, 465, 469, 471, 475, 477, 479, 484, 489, 494, 503, 509.

⁶⁸ См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древне-русского языка, т. I, СПб., 1893, стлб. 270, 291; «Книга списков с вотчинных и других крепостей Соловецкого монастыря. 1544—1626». Архив ЛОИИ, оп. Б. Д. Грекова.

⁶⁹ Можно привести очень много грамот такого характера. См., напр., «Сборник грамот Коллегии экономии», т. I, Грамоты Двинского уезда, Пг., 1922, стлб. 143—144, 222; «Акты, относящиеся до юридического быта», т. I, СПб., 1857, стлб. 458.

⁷⁰ С. Шумаков. Обзор грамот коллегии экономии. (Верея, Волоколамск, Дмитров и Звенигород), М., 1912, стр. 2, 3—4, 5; «Акты, относящиеся до юридического быта», т. I, стлб. 454; «Книга о чудесах пр. Сергия», сообщил С. Ф. Платонов, СПб., 1888, стр. 49.

⁷¹ Н. А. Казакова. Неизданное произведение Вассиана Патрикеева, стр. 410.

нии́л привел данные о том, что они обладали ими, «И Васьян ответил: Те дръжали села, а пристрастие к ним не имели»⁷². Таким образом, как видно из ответа Дании́лу, Вассиан, говоря о «държании» земель древними «святыми», имел в виду не фактическое обладание недвижимыми земельными богатствами, а личное отношение монахов к этим землям — их «пристрастие». В «Собрании некоего старца», рассуждая о том, что в русских переводах «Кормчей» «писано к манастырем села» и сопоставляя эти «правила» с постановлениями Вселенских соборов, Вассиан Патрикеев также ставит вопрос об отношении к монастырским богатствам: «Въпросит же кто: Какым съхранениемъ вещи монасырьскыа съблюдатися правило повелеваетъ и кая суть сия? И неции убо реша, яко подобаетъ вся монастырьская подвижная и неподвижная, якоже и самые те монастырие да съблюдаютъ неотводне цела и некосновенна. Мне же видится, яко правило зде о стражы́бе глаголетъ веле и сиречь о наивышнем прилежании, зане пристоящихъ им неподвижныхъ тако же и некихъ освященныхъ съсуд...»⁷³. Если учесть, что первые произведения Вассиана Патрикеева написаны им в 1510—1511 гг.⁷⁴, т. е. в те годы, когда в кругах княжеско-боярской знати обсуждался вопрос о переходе в 1508 г. Иосифа Волоцкого с монастырем от удельного князя Федора «под... царскую дръжаву»⁷⁵, высказывания Вассиана получают более конкретный смысл. В самом деле, Волоколамский монастырь, основанный князем Борисом Васильевичем, и самим удельным князем и современниками считавшийся «своим», княжеским «имением»⁷⁶, с которым князь был «волен» поступить по принципу: «хочет грабит, хочет жалует»⁷⁷, Волоцким игуменом был самовольно передан под патронат великого князя Василия III. Известно, что в связи с переходом Иосифа Волоцкого возникла ожесточенная полемика. В атмосфере раздумий о том, может ли монастырь считать «своими» владениями земли, дарованные им «боголюбцами», или находясь в полном распоряжении монастырей, они остаются «имением» дарителей, возник ответ воинствующих церковников: церковное стяжение — божие стяжение. Из лагеря княжеско-боярской знати вышли послания И. И. Третьякова-Ховрина, переписка Германа Подольного и яркие, талантливые сочинения «инока-князя» Вассиана Патрикеева, где на вопрос: имеют ли право монастыри «държать земли» и «владеть» ими дается отрицательный ответ. «Стоит только слегка распахнуть монашеское одеяние любого из «нестяжателей», как мы увидим под ним парчу боярского кафтана»⁷⁸, — писал Б. А. Рыбаков.

Не случайно, что эта полемика коснулась лишь монастырских земель (а не церковных и монастырских), ибо здесь речь шла не о секуляризации земель государством, как стоял вопрос на соборе 1503 г.,

⁷² ЧОИДР, т. IX, 1847, стр. 67.

⁷³ Н. А. Казакова. Незданное произведение Вассиана Патрикеева, стр. 417 (подчеркнуто нами. — Г. М.).

⁷⁴ Г. Н. Моисеева. О датировке «Собрания некоего старца» Вассиана Патрикеева, стр. 349—361.

⁷⁵ А. А. Зимин. Княжеские духовные грамоты XVI в. «Исторические записки», т. 27, стр. 274—275; Я. С. Лурье. К вопросу об идеологии Нила Сорского, стр. 211.

⁷⁶ В житии Серапиона, архиепископа новгородского сказано, что Серапион «удивился» «како Иосиф сотворил, восхитив имение князя Бориса Васильевича и сынов его, паче же князя Федора, и отиде с монастырем» (ГБЛ, собр. В. М. Ундольского, № 367, л. 15). И. И. Третьяков-Ховрин писал Иосифу Волоцкому по поводу его перехода: «А ты, господине, не токмо простых людей, и своего господина князя, и бояр и диаков уничтожил» (ГИМ, собр. Е. В. Барсова, № 1475, л. 129).

⁷⁷ Передавая аргументацию Серапиона, отлучившего Иосифа от церкви, последний писал: «Волен аз в своем чернце, а князь Федор волен в своем монастыре, хочет грабит, хочет жалует» (ДРВ, ч. XIV, М., 1790, стр. 196).

⁷⁸ Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в. «Антирелигиозник», 1934, стр. 340.

а о пределах вотчинных прав феодальной знати. События, связанные с переходом Иосифа Волоцкого, были толчком, всколыхнувшим разногласия, существовавшие между великокняжеской властью и княжеско-боярской знатью, с одной стороны, между церковными и светскими феодалами, с другой. Противоречия эти не были новыми: они умело сглаживались обеими враждующими сторонами. Удельный князь Федор Волоцкий помирился с игуменом Иосифом и перед смертью пожаловал в Волоколамский монастырь свои земли, за что был записан «в вечное поминовение» в Волоколамский Синодик⁷⁹.

Для того, чтобы яснее увидеть ограниченный характер требований Вассиана Патрикеева, связанный с его общественно-политической позицией, достаточно сравнить эти требования с программой его младшего современника — автора «Валаамской беседы», в произведении которого ставится вопрос не только о праве монастырей владеть, но о государственной нецелесообразности церкви и монастырям иметь земли: «Ведомо буди о сем и известно миру всему спроста обьявихом: то есть, возлюбленная братия, от беса противо новые благодати — новая ересь, что иноком волости со християны владети и мир им судити, и на поруки их давати, и приставов по ним иноком посылати, и из миру всякие царские доходы, аки царем и прочим мирским властем, инокам собирати, и мир слезити, и во обителях пьянству и сладости быти... и волости со християны за монастыри быти»⁸⁰.

Встает вопрос: чего же добивался Вассиан Патрикеев, когда в своем последнем полемическом сочинении писал о том, что он «учил» великого князя Василия III «у монастырей села отымати, а не у мирских церквей». Мы полагаем, что и это требование Вассиана Патрикеева не перерастает рамок программы феодальной знати добиться от великого князя возвращения из монастырей их родовых владений. Мы знаем, что монастыри умело приписывали себе земли «детей боярских» и крестьян (о возвращении этих земель их владельцам имеется указание в Майском приговоре 1551 г.)⁸¹, но еще с большим аппетитом поглощали они земли феодальной знати и потому, что они были обширнее и богаче, и потому, что, обладая вотчинными правами, князья и бояре охотно обращались к монастырям, отдавая земли «по душам», «на постриг», продавая, закладывая и меняя их. Монастыри различными средствами добивались того, что земли феодалов оставались навсегда за ними⁸², благодаря чему, по образному выражению академика Б. Д. Грекова, монастырское богатство росло «на боярских костях». И несмотря на то, что земли феодалов присваивались монастырями, что великокняжеская власть запрещала вотчинникам сдавать свои земли в монастыри, угрожая в случае нарушения «отписать» земли «на государя», феодальная знать (как видно из мероприятий, направленных против этого явления) находила целесообразным постоянно обращаться к посредству монастырей.

Чтобы отдалить надвигающуюся земельную катастрофу, наиболее дальновидные представители феодальной знати принимали меры, противодействующие поглощению их земель, с одной стороны, государством (надеясь вернуть свои земли, они добивались права беспрепятственной отдачи их в монастыри), с другой стороны, монастырями

⁷⁹ А. А. Титов. Рукописи И. А. Вахромеева, вып. V, М., 1906, стр. 15 (прилож. № 8); Волоколамский Синодик, хранится в рукописном собрании ИРЛИ (Отдельные поступления 1953 г., № 27, л. 77 об.).

⁸⁰ Более полное сравнение программ Вассиана и автора «Валаамской беседы» см. в книге: Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в., стр. 172.

⁸¹ ААЭ, т. I, стр. 218 (№ 227).

⁸² См. И. А. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 251.

(здесь вотчинники стремились использовать право родового выкупа, которое последовательно ограничивалось великокняжеской властью)⁸³.

«Великий временный человек», которого, по словам современников боялись больше, чем самого великого князя⁸⁴, родственник Василия III⁸⁵ Вассиан Патрикеев в период своей близости к великому князю мог ему «велеть» отобрать земли у монастырей с тем, чтобы вернуть их владетелям.

Если бы Вассиан добивался не того, что считал положенным по праву (возвращения родовых земель), он не написал бы в своем произведении, что «учил» «великого князя... и вся благородных человека», что он «велел» великому князю «села отымати»⁸⁶. Программа Вассиана Патрикеева, отражающая интересы феодальной знати («благородных человек»), принципиально отлична от требований дворянства — отобрать земли у церкви и у монастырей с тем, чтобы раздать их «детем боярским в поместье». Не случайно поэтому, что на суде 1531 г. митрополит Даниил, хорошо знавший сочинения Вассиана, в число обвинительных пунктов не включал то, что он «учит» великого князя «у монастырей села отымати».

Не призывали к секуляризации и ближайшие последователи Вассиана Патрикеева. Напротив, в их сочинениях чаще, чем в произведениях Вассиана, можно отметить стремление подчеркнуть свою солидарность с существующим порядком вещей. Они делают упор на нравственное обличение иосифлян⁸⁷.

Ближайший соратник Вассиана Максим Грек, доказывая необходимость «жить нестяжательно..., приобретая потребное от своих трудов», оправдывает право монастырей принимать вклад «на постриг»⁸⁸.

Не внесли ничего нового в программу заволжских старцев и «нестяжатели» 40—50 годов XVI в. — благовещенский протопоп Сильвестр⁸⁹ и троицкий игумен Артемий, развивавшие их идеи в новой политической обстановке. В послании Грозному в 1551 г. Артемий, оправдываясь от возводимых на него обвинений иосифлян будто он «говорил и писал тебе (Ивану Грозному. — Г. М.) села отнимати у монастырей», Артемий утверждает, что «не так аз говорил». Он пишет царю: «аз тебе писал на собор, извещая разум свой, а не говаривал еси им (иосифлянам. — Г. М.) о том, ни тебе не советую нужением и властью творити что таково»⁹⁰. Главным Артемий считает нравственное самоусовершенствование иноков⁹¹. Такой характер позиции, с которой «нестяжатели» подвергали критике монахов-иосифлян, подчеркнул и близкий к «нестяжателям» А. Курбский⁹².

Курбский был одним из последних «нестяжателей». Опричина, по-инициативе решившая вопрос о землях феодальной знати⁹³, сняла тем самым и вопрос о существовании этого идеологического течения.

⁸³ И. И. Смирнов. Судебник 1550 г. «Исторические записки», т. 24, стр. 318—322.

⁸⁴ Так о нем говорил Михаил Медоварцев, ЧОИДР, т. VII, 1847, стр. 11.

⁸⁵ Указанием на родство Вассиана Патрикеева с великими князьями заканчивалось «Послание Спиридона-Саввы». Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских, М. — Л., 1955, стр. 78—80.

⁸⁶ ПС, III, стр. 206.

⁸⁷ В. П. Андрианова-Перетц. Крестьянская тема в публицистике XVI в. ТОДРЛ, т. X, М. — Л., стр. 205—207.

⁸⁸ В. Ф. Ржигала. Неизданные сочинения Максима Грека. «Byzantinoslavica», VI, 1934/5, стр. 86.

⁸⁹ О принадлежности Сильвестра к последователям «нестяжателей», см. в книге: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, М., 1958, стр. 58—70.

⁹⁰ РИБ, т. IV, СПб., 1878, стлб. 1440.

⁹¹ Там же, стлб. 1440; «Основное в учении Артемия — это проповедь нравственного самоусовершенствования и аскетизма». А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 164.

⁹² РИБ, т. XXXI, СПб., 1913, стлб. 178.

⁹³ П. А. Садилов. Очерки по истории опричнины. М. — Л., 1950, стр. 62—63.

Итак, вопрос об идеологии «нестяжателей» в настоящее время может быть подвергнут пересмотру. Несомненно, что идея секуляризации церковных и монастырских земель могла исходить только из тех общественных кругов феодального класса, которые были в этом экономически заинтересованы — из кругов поместного дворянства.

Вызывает сомнение традиционное представление о том, что крупная феодальная знать настаивала на секуляризации монастырских земель. Экономический интерес вотчинников мог быть удовлетворен путем сохранения их имущественных прав на землю.

Изучение терминов, употребляемых в сочинениях виднейшего идеолога «нестяжателей» Вассиана Патрикеева, позволяет предполагать, что он не призывал к секуляризации, а требовал от монахов определенного отношения к дарованным им землям.

В числе вопросов изучения идеологии «нестяжателей» стоит и исследование самого термина — «нестяжатель»⁹⁴.

Несомненно, что дальнейшее углубленное исследование экономической и политической борьбы первой половины XVI в. с учетом анализа языкового материала литературных памятников того времени позволит по-новому понять идеологические движения периода создания централизованного Русского государства.

⁹⁴ Первым термин «нестяжатель» употребил по отношению к Вассиану Патрикееву Зиновий Отенский, иронически говоря о «нестяжательном», который, укоряя монахов в несправедливой жизни, сам «волею великого князя в монастыре Симоново живяше: не изволили же Вассиан брашна симоновского ясти... ядеше же мних Вассиан приносимое ему брашно от трапезы великого князя». (Зиновий Отенский. Истины показание к вопросившим о новом учении, Казань, 1863, стр. 900—901). «Нестяжателем» себя называл и противник Вассиана — Иосиф Волоцкий («Послания Иосифа Волоцкого», стр. 308).